

ПОСТИЖЕНИЕ ГОРОДА: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К ВООБРАЖЕНИЮ

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда
проект № 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

В статье аналитически рассматриваются различные аспекты постижения города как феномена культуры, который имеет как материальную, видимую сторону, так и воображаемую, мыслимую. Автор акцентирует внимание на соотношении восприятия, представления и воображения в процессе познания города и утверждает, что именно воображение играет в этом процессе конститутивную роль. Подчёркивается, что в городских исследованиях превалирует подход к городу, ориентированный прежде всего на учёт его визуальных параметров. Однако существенное значение в процессе восприятия городских пространств имеют и аудиальные, ольфакторные, тактильные и иные характеристики, которые тоже влияют на формирование образа города и делают этот образ более объёмным и многомерным. Опираясь на работу «Imagination and perception» П.-Ф. Стросона, автор доказывает, что воображение является необходимым компонентом восприятия города. Кроме того, знание о городе и понимание города рассматриваются в статье как разные когнитивные уровни, при этом представление связывается с понятием города, а воображение – с пониманием идеи города, схватыванием его смысла. Возрастание роли воображения в процессе познания социокультурной действительности определяется изменением интерпретации самого этого процесса в постнеклассической науке и философии культуры. В постнеклассическом подходе процесс познания понимается не просто как зеркальное отражение реальности, но как конструирование в сознании образа реальности, обусловленного конкретными языковыми, символическими и культурными практиками. Осмысление воображения в его трансцендентальном измерении (продуктивная способность воображения в терминологии Канта) дополняется в статье анализом социокультурного измерения. Именно это измерение, с точки зрения автора, первостепенно значимо для постижения города как символического пространства смыслов, определяющих неповторимость конкретного топоса и его ценность для человека.

Ключевые слова: городские исследования, теория познания города, мультисенсорное восприятие, городское воображаемое, представление, продуктивная способность воображения

COMPREHENDING THE CITY: FROM PERCEPTION TO IMAGINATION

Elizaveta Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
e.speshilova@yandex.ru

The study was funded by Russian Science Foundation
project No. 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

The article analyses various aspects of comprehending the city as a cultural phenomenon, which has both a material, visible side and an imaginary, conceivable side. The author identifies the correlation of perception, representation, and imagination in the process of understanding the city and argues that imagination plays a constitutive role in this process. It is emphasised that in urban studies the prevailing approach to the city is focused primarily on the consideration of its visual parameters. However, auditory, olfactory, tactile, and other characteristics are significant in the process of perceiving urban spaces, since they also influence the formation of the city's image and make this image more saturated and multidimensional. Based on the work "Imagination and perception" by P. F. Strawson, the author proves that imagination is a necessary component of the city perception. In addition, knowledge about the city and comprehending the city are considered in the article as different cognitive levels. Representation is associated with the concept of the city, and imagination is associated with comprehending the idea of the city, grasping its meaning. The increasing role of imagination in the process of cognition of sociocultural reality is determined by the change in the interpretation of this process itself in postnonclassical science and philosophy of culture. In the postnonclassical approach, the process of cognition is understood not simply as a mirror reflection of reality, but as the construction of an image of reality in consciousness, conditioned by specific linguistic, symbolic, and cultural practices. The understanding of imagination in its transcendental dimension (the productive imagination in Kant's terminology) is complemented in the article by an analysis of its sociocultural dimension. From the author's point of view, this dimension is primarily important for understanding the city as a symbolic space of meanings that determine the uniqueness of a particular topos and its value for a person.

Keywords: urban studies, urban epistemology, multisensory perception, urban imaginary, cognitive representation, productive imagination

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119

Введение

Варианты и методы научно-исследовательского постижения города как культурного феномена бесконечно разнообразны, однако теоретические вопросы его познания в современных urban studies, как правило, остаются неким имплицитным фоном, который находится за рамками пристального внимания исследователей. В частности, в дискурсивном поле, связанном с городским воображаемым (urban imaginary), которое стало особенно распространённым в последние десятилетия [Линднер 2019, 105], эти вопросы отдельно не обсуждаются. Тем не менее, для концептуализации городского воображаемого в качестве одного из эпистемических инструментов изучения городской среды необходимо, прежде всего, понять, каким образом человек познаёт город и какую роль в процессе постижения города играет воображение. В связи с этим в данном исследовании предлагается проанализировать соотношения восприятия, представления и воображения – познавательных способностей, которые мы используем при осмыслении любых феноменов, – в процессе познания города. Поскольку город – один из важнейших элементов человеческой реальности, который мы и воспринимаем, и представляем, и воображаем, принципиально важной задачей является дистинкция понятий «восприятие», «представление» и «воображение», которые зачастую используются весьма неоднозначно не только в дискурсе о городе, но и в философских рассуждениях вообще.

Восприятие города: от визуальной рецепции к мультисенсорному опыту

Наиболее ясным и отчётливым из указанных понятий, на наш взгляд, является термин «восприятие», который обозначает непосредственное чувственное познание объектов, совершаемое в прямом контакте с реальным миром. В процессе восприятия в сознании возникает целостный образ объекта, непосредственно воздействующего на органы чувств [Кузнецов 2007, 89]. Благодаря восприятию наши отдельные зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые ощущения (или некоторые из них) синтезируются и распознаются как образ какого-то конкретного объекта или ансамбля объектов. Так, выходя на городскую улицу, мы окунаемся в интенсивный поток чувственных данных, который может быть наполнен яркими визуальными пятнами рекламы, шумом ав-

томобилей и запахом выхлопных газов на центральной магистрали мегаполиса, или, наоборот, приятной зеленью, пением птиц и густыми ароматами возле кофейни на тихой улочке провинциального города. Город в этом контексте предстаёт как объективная реальность, как материальная среда искусственно созданных и пространственно организованных объектов [Пирогов 2011, 32], которая может быть чувственно дана познающему её субъекту. Ключевой характеристикой восприятия является данность предмета человеку «здесь и сейчас», то есть нахождение предмета в сфере непосредственного чувственного контакта.

Нередко в городских исследованиях акцент делается именно на визуальном восприятии городского пространства [Jordan, Lindner 2016], а сам город рассматривается прежде всего как застроенная среда, которая своим видом воздействует на жителей, влияет на их мысли, чувства и действия [Эллард 2016, 11], психическое и ментальное здоровье [Капцевич 2001, 591]. Яркий всплеск научно-исследовательского интереса к анализу зрительного восприятия городской среды произошёл после выхода в свет в 1960 году книги «Образ города» Кевина Линча [Lynch 1960], в которой основное внимание уделяется изучению визуальных характеристик американских городов. Линч показывает, что форма, цвет и композиционное соотношение объектов городской инфраструктуры оказывают существенное влияние на то, какой образ города формируется у горожан. В рамках визуально-ориентированного урбанистического дискурса подчёркивается эстетическая ценность городской архитектуры, развиваются такие направления, как визуальная семиотика города [Аванесов 2016], в которой городская среда интерпретируется в качестве оптически представленного текста, фиксирующего различные смысловые ориентиры, и визуальная экология [Колесникова, Савчук 2015], в которой определяются способы воздействия визуальной среды города на человека, а также выявляются причины и формы её деградации.

Несмотря на преобладание визуального аспекта в городских исследованиях, необходимо отметить развитие академического сектора, связанного с *urban sound studies* [Майорова 2020, 317], в котором основное внимание фокусируется на аудиальном восприятии города. В рамках данного исследовательского направления речь идёт о звуковом ландшафте (англ. *soundscape*) города, то есть о городской акустической среде, которая состоит из множества звуковых элементов и воспринимается субъектом в контексте его культурного, социального и индивидуального опыта. Рэймонд Мюррей Шафер,

один из наиболее известных исследователей звука, ещё в конце 70-х годов подчёркивал, что городская среда, как и мир в целом, страдает от перенаселения звуками и различных видов шумового загрязнения [Schafer 1994, 3, 71], имеющих прежде всего техногенное происхождение. Звуковой ландшафт влияет на психо-эмоциональное состояние городского жителя и его здоровье не в меньшей степени, нежели визуальное окружение, поскольку в зависимости от источника происхождения, типа и степени интенсивности звукового воздействия он может быть благозвучным и комфортным или, напротив, дисгармоничным и неприятным. Так, звуки, связанные со строительными работами, шум поездов, проходящих по расположенным в городе железнодорожным путям, громкая музыка с акцентированными басами, звучащая из окон проезжающих машин, формируют неблагоприятный звуковой ландшафт, тогда как журчание воды у фонтана, шелест листьев в парке или шум дождя создают притягательную акустическую среду.

Ориентированные на восприятие или визуализацию звука проекты активно развиваются в скульптуре¹ и архитектуре², которую Ф. Шеллинг в «Философии искусства» назвал застывшей музыкой, музыкой в пространстве [Шеллинг 2020, 266], поскольку она следует арифметическим отношениям и воплощает их в геометрической форме. Аудиальные практики восприятия городской среды появляются в музейных пространствах и экскурсионных турах. Так, в новгородском «Центре музыкальных древностей имени В. Н. Поветкина»³ представлена экскурсия «Звучащий мир древнего Новгорода», на которой можно услышать не только звучание реконструированных музыкальных инструментов X–XV веков, но и бытовые звуки города, которые окружали жителей средневекового Новгорода, – стук колотушки ночного сторожа, охраняющего сон горожан, шум подвесов, свистулек, детских погремушек и многих других предметов, звучание которых связывалось с охранительными функциями. Кроме того, интересной аудиальной практикой является иммерсивный проект «Слушай Новгород»⁴ – спектакль-променада по Великому Новгороду, в необычном формате раскрыва-

---

¹ Удивительные примеры звуковых скульптур представлены на сайте швейцарского художника и музыканта Zimoun: <https://zimoun.net/>

² Например, проект концертного зала в центре Екатеринбурга архитектурного бюро Захи Хадид визуализирует звуковую волну: <https://www.zaha-hadid.com/architecture/sverdlovsk-philharmonic-concert-hall/>

³ <http://centrpovetkina.ru/>

⁴ <https://slushay-novgorod.ru/>

ющий историю города и непосредственно реализующий призыв Шафера развивать акустическую культуру в восприятии окружающего мира.

Таким образом, говоря о восприятии города, необходимо подчеркнуть, что оно является не только визуальным, но и аудиальным, а если говорить более точно – мультисенсорным, поскольку в ходе восприятия городской среды задействуются самые разные чувства. Даже архитектура, как пишет Юхани Палласмаа, «не воспринимается нами как набор отдельных зрительных образов; мы ощущаем её через прикосновение, зрение, слух во всей полноте её материальной, телесной и духовной сущности» [Палласмаа 2013, 155]. Городские виды, звуки, запахи и вкусы воздействуют на формирование образа конкретного города; и чем большее количество визуальных, аудиальных, ольфакторных, тактильных и вкусовых характеристик мы учитываем, тем более объёмным и многомерным будет наш образ города.

Конститутивная роль воображения в акте постижения города

В отличие от восприятия, которое осуществляется при прямом контакте человека с реальным объектом, представление и воображение связаны с формированием ментального образа (англ. *mental imagery*) объекта, который отсутствует в непосредственном чувственном доступе. Согласно наиболее распространённой точке зрения, представление – это, прежде всего, отражение ранее воспринятого явления или процесса в сознании, которое основывается на синтезе полученных в прошлом чувственных ощущений. В узком смысле, особенно характерном для психологического подхода, представление – это образ предмета, который на основе ранее полученных сенсорных данных воспроизводится в сознании при отсутствии самого предмета [Рубинштейн 2002, 326]. В широком смысле представлением называют всё содержание сознания⁵. С точки зрения Мартина Хайдеггера, именно в представлении происходит опредмечивание сущего: в рамках новоевропейского мировоззрения представить означает «поместить перед собой наличное как нечто противостоящее, соотносить с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определяющую область» [Хайдеггер 1993, 50]. Как отмечает Юлия Кристева,

⁵ Так, И. Кант пишет, что «явления суть лишь представления о вещах, относительно которых остаётся неизвестным, какими они могут быть сами по себе» [Кант 2006, 149–150].

«ментальное представление может иметь иконическую (образ) или вербальную (слово) структуру» [Кристева 2004, 90]. Представление предполагает переход от множественности чувственных данных к единству понятия предмета, то есть к определению, к именованию предмета, и потому имеет в том числе лингвистический характер.

Многие исследователи предлагают различать представления памяти и представления воображения. Так, мы можем представить (установить) перед своим мысленным взором в виде чувственно-наглядного образа и объект, который мы когда-то воспринимали (допустим, Зимний дворец в Санкт-Петербурге), и объект, который мы никогда не встречали в своём опыте (допустим, Дворец Дожей в Венеции). В первом случае перед нами представление памяти, во втором – представление воображения, которое понимается как ментальная способность создавать образы, ранее не воспринимавшиеся человеком в действительности или вовсе не имеющие непосредственных аналогов в реальности. Однако интерпретация воображения исключительно в качестве частного случая представления не учитывает многих других аспектов и функций этой когнитивной способности, в частности, того факта, что воображение пронизывает и процесс представления в целом, и, более того, процесс восприятия какого-то объекта. Для того чтобы проанализировать воображение в его фундаментальной специфике, рассмотрим его с философской точки зрения.

Детальный анализ соотношения воображения и восприятия представлен в работе «Imagination and perception» П.-Ф. Стросона, представителя аналитической философии, который опирается в своих рассуждениях на исследования Д. Юма, И. Канта и Л. Витгенштейна и показывает, что воображение является необходимым компонентом самого восприятия [Strawson 2008, 60]. Стросон аргументирует тезис о том, что воображение задействовано 1) в восприятии конкретного объекта как идентичного тому же конкретному объекту какое-то время назад и 2) в восприятии конкретного объекта как X (как принадлежащего тому же типу, что и некоторые другие конкретные объекты) [Nanay 2010, 240]. Иначе говоря, воображение является инструментом, который используется в перцептивной оценке как индивидуальной идентичности (идентичности объекта), так и видовой идентичности (идентичности понятия) [Strawson 2008, 52].

Первый вариант работы воображения в восприятии конкретного объекта можно проиллюстрировать следующим образом: когда мы идентифицируем городскую набережную, которую видели

5 лет назад, и набережную, которую видим сейчас, как ту же самую, даже несмотря на то, что она могла существенно измениться за это время (например, оказаться замурованной в гранит, как набережная реки Ушайки в Томске), мы используем воображение, поскольку вовлекаем в текущий процесс неактуальные восприятия, то есть образы набережной, полученные ранее. Следует подчеркнуть, что П.-Ф. Стросон в своей работе воспроизводит определение воображения, предложенное И. Кантом в «Критике чистого разума», – «воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [Кант 2006, 141], включая в него и то, что в психологии, как правило, именуется представлениями памяти. В терминологии Канта речь в данном случае идёт о *репродуктивной* способности воображения, «синтез которой подчинён только эмпирическим законам, а именно законам ассоциации» [Кант 2006, 142], то есть имеется в виду репродукция, воспроизведение, воспоминание имевшегося ранее образа. Немецкий философ относит эту способность к компетенции психологии, а сам сосредоточивается на *продуктивной* способности воображения, значимой в контексте трансцендентальной философии⁶.

К вопросу соотношения воображения и памяти также необходимо добавить, что с 1960-х – 1970-х годов доминирующим стало понимание индивидуальных представлений памяти как результатов деятельности воображения. В такой концепции воспоминания рассматриваются в качестве феноменов, избирательно конструируемых сознанием [Conway, Howe 2022; Баталова 2019], а не просто в качестве слепков прошлого опыта. Кроме того, в свете этой концепции становится понятно, что и коллективная память – национальная, историческая, культурная и иная – тоже конструируется.

Второй вариант задействования воображения в процессе восприятия объекта, который отметил П.-Ф. Стросон, Иммануил Кант называл *продуктивной* способностью воображения (нем. *einbildungskraft*), подразумевая под этим синтез многообразия чувственных созерцаний в осмысленный ментальный образ объекта, который можно подвести под определённое рассудочное понятие⁷ [Кант 2006, 141–142]. Так понимаемое воображение относится

⁶ По мнению Хайдеггера, величие систематической философии Канта покоится на том, что она развёртывается «из коренящейся в способности воображения трансцендентальной сущности конечного разума» [Хайдеггер 1993, 55].

⁷ В работе «Антропология с прагматической точки зрения» Кант подчёркивает, что «оригинальность (не подражательная деятельность) воображения, если она согласуется с понятиями, называется *гениальностью*» [Кант 1999, 207].

одновременно и к сфере чувственного, эмпирического, поскольку имеет дело с конкретными данными, и к сфере трансцендентального, поскольку может «a priori определять чувство по его форме сообразно с единством апперцепции» [Кант 2006, 141; ср.: Strawson 2008, 60]. Кант именует «синтез созерцаний *сообразно категориям* <...> трансцендентальным синтезом *способности воображения*» [Кант 2006, 141]. Иначе говоря, воображение является посредником между чувственностью и рассудком и даже, более того, их общим корнем, благодаря которому мы можем объединять разрозненные данные опыта в единое понятие [Смирнова 2013, 18]. Воображение конструирует и конституирует опыт, систематизируя и связывая полученные *sense data* с имеющимися у нас категориями рассудка посредством трансцендентальной схемы [Кант 2006, 158], которая, по сути, представляет собой правило отнесения какого-либо конкретного созерцания к некоторому общему понятию.

Видение и распознавание объекта всегда происходит в рамках тех интерпретационных схем, которыми субъект располагает, то есть благодаря воображению. Как пишет Людвиг Витгенштейн в «Философских исследованиях», рассматривая пример с изображением утки/кролика, мы можем нечто увидеть то как одно, то как другое, то в одном, то в другом аспекте, поскольку мы «*видим так, как истолковываем*» [Витгенштейн 2018, 281]. Наш зрительный опыт тесно связан с ментальными процедурами, как правило, априори определяющими характер конкретного восприятия.

Однако ещё до того, как способность воображения оказывается задействована в акте узнавания объекта восприятия как того же самого и в процессе подведения его под общее понятие, сам объект должен появиться в нашем распоряжении. Простое чувственное восприятие ещё не даёт нам такого распоряжения, поскольку в таком восприятии объект может быть дан нам только фрагментарно. Так, трёхмерные городские (и не только) объекты мы исходно видим в двухмерной проекции: мы можем наблюдать стены, окна, двери и некие элементы декора фасада здания, то есть отдельные разрозненные фрагменты, которые мы затем синтезируем и дефрагментируем, формируя единый трёхмерный образ здания. При этом, когда мы даже видим объект целиком, мы также воображаем те его части, которые не видны в том ракурсе, в котором мы его наблюдаем в данный момент; этот процесс называется амодальным восприятием [Nanay 2010, 239]. Наш ментальный образ здания включает как то, что мы непосредственно наблюдаем, так и то, что мы воображаем, достраивая визуально данное невидимыми,

скрытыми от нас элементами. Таким образом, воображение присутствует не только на этапе воспоминания и понятийной квалификации объекта, но и на этапе его первоначального созерцания.

Исходный «зримый образ здания», согласно Р. Арнхейму, «достраивается до состояния некоторого целого по мере того, как взгляд ощупывает его по частям», в каждый конкретный момент воспринимающий субъект «видит неполную и потому бессмысленную вещь» [Арнхейм 1984, 96]. Облик видимого должен быть «сознательно оформлен, чтобы быть постигаемым» [Арнхейм 1984, 143]. Отдельное сооружение не может быть чувственно воспринято во всей своей целостности; равным образом и город не может быть чувственно воспринят во всей своей целостности. Город воображается, конструируется путём синтезирования частных видов в целостный ментальный образ. В рукописных материалах к «Критике чистого разума» И. Кант описывает процесс конструирования образа города следующим образом:

«Когда я вижу город, душа формирует в себе образ предмета, который она имеет перед собой, пробегая многообразное. <...> Душа должна провести множество наблюдений, чтобы изобразить предмет, изображая его с каждой стороны по-другому. К примеру, утром город выглядит иначе, нежели вечером. Таким образом, существует множество явлений одной вещи сообразно различным сторонам и точкам зрения. Из всех этих явлений, собирая их вместе, душа должна создавать себе изображение» [Кант 2000, 145].

По сути, в этих словах выражено то, что впоследствии стало относиться к одному из аспектов дискурса *urban imaginary* [Федотова 2020], так как городское воображаемое имеет отношение не только к конструированию вида города, в котором человек никогда не бывал, но и к формированию образа города, с которым человек постоянно контактирует в повседневной жизни. Именно воображение позволяет произвести дефрагментацию не только своих частных восприятий, но и отдельных городских нарративов, чтобы сформировать целостный образ города.

Осмысление воображения в его трансцендентальном измерении следует дополнить социокультурным измерением, которое играет принципиально значимую роль для постижения города. Просто «мыслить себе предмет и познавать предмет не есть одно и то же» [Кант 2006, 137], так как познание предполагает не столько знание понятия предмета, сколько понимание идеи предмета, которая определяется историческим, социальным и культурным контекстом. Аналогичным образом знание о городе и понимание города – раз-

ные когнитивные уровни осмысления городской среды. Город как феномен культуры является не просто конфигурацией материальных артефактов, но и символическим пространством смыслов, определяющих неповторимость конкретного топоса. Благодаря символическому дискурсу городские пространства превращаются в «места, наделённые человеческими значениями» [Митин 2011, 71], поэтому для понимания города нам приходится привлекать не просто информацию о его происхождении, экономической и демографической ситуации, но и мифологические, художественные, кино- и медиа-нарративы, в которых данные значения создаются и закрепляются. Поскольку город – социокультурная система, которая за счёт своей сложности и неоднородности не может быть дана человеку непосредственно, постольку особенно значимым является концептуальное осмысление городской среды, в том числе семиотическая диагностика [Мелик-Гайказян 2023, 322] смыслов, которые связаны с тем или иным городским пространством.

Проводя дистинкцию между представлением и воображением, русский философ Яков Эммануилович Голосовкер предлагает связывать представление с понятием предмета, а воображение – с пониманием предмета. «Представление о предмете не есть схватывание его смысла, а есть только смутное копирование предмета, подобное отражению⁸» [Голосовкер 2012, 190]; смысл предмета не отражается и не представляется, он конструируется, во-ображается, то есть наполняет конкретный образ определённым содержанием. Можно сказать, что представление имеет отношение к уровню денотации, тогда как воображение – к коннотациям, которые с данным понятием связаны. В таком случае если воображение – это наделение смыслом некоего представления, то воображаемое – это пространство осмысленных представлений. Например, можно представить кентавра – существо с головой и торсом человека, но с телом коня, однако при этом не осознавать смысл этого создания, семантику этого персонажа, воплощающего собой амбивалентные идеи природной дикости и мудрости, двуличия и нравственного совершенства и не только [Аванесов 2023, 208]. Можно представить Санкт-Петербург – второй по численности населения город России, основанный в 1703 году Петром I, но при этом не понимать его образ, который во всей своей насыщенности, многозначности и сим-

---

⁸ Ср. с высказыванием Канта: «Способность отображения есть способность обозначения. Обозначение есть отображение иного. Отображение – средство произведения образа другой вещи. Так, слова – отображения вещей для конципирования представлений вещей» [Кант 2000, 146].

воличности определяется русской художественной литературой, наделившей «голосом» почти каждую петербургскую улицу.

Заключение

Воображение как творческая и познавательная способность человека имеет существенное значение в процессе познания, которое в постнеклассической науке понимается не просто как отражение реальности, но как конструирование образа реальности в контексте определённых социокультурных детерминант. В силу отказа от рационализма в постнеклассической философии культуры воображение начинает трактоваться не столько в качестве «антитезы разума», сколько в качестве одного из «основных способов познания социокультурной действительности» [Борисова 2015, 66], к которой относится и город. Реальность, в том числе городская, не отражается, а воображается в нашем сознании: «активность творческого воображения человека – это восстание против зеркальных картин мира» [Князева 2013, 31], механизм конструирования действительности в наших языковых, символических и культурных практиках.

Таким образом, мы видим, что воображение пронизывает и процесс восприятия города, и процесс формирования представлений о нём. Оно играет конститутивную роль в процессе осмысления городской среды, так как позволяет синтезировать разрозненные, фрагментарные результаты актов восприятия и представления в процессе формирования целостного образа города. Помимо этого, воображение как таковое дополняет результаты восприятия и представления образно-символическим осмыслением города, которое, по сути, и является ключевым в процессе постижения городских пространств, поскольку определяет уникальность и аксиологическую значимость конкретного места для человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 – *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города: перспективы исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов 2023 – *Аванесов С. С.* Ребро кентавра: образ китовраса в визуальной структуре городского пространства // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 2. С. 208–264.
- Арнхейм 1984 – *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1984.

- Баталова 2019 – *Баталова Я. В.* Роль воображения в акте воспоминания в западной философии XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 95–103.
- Борисова 2015 – *Борисова Ю. В.* Проблема воображения в истории западноевропейской философии культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 66–72.
- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Изд-во АСТ, 2018.
- Голосовкер 2012 – *Голосовкер Я. Э.* Имагинативный абсолюте. М.: Академический проспект, 2012.
- Кант 1999 – *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. СПб.: Наука, 1999.
- Кант 2000 – *Кант И.* Из рукописного наследия. Материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum* / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Кант 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2006.
- Капцевич 2021 – *Капцевич О. А.* Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 575–597.
- Князева 2013 – *Князева Е. Н.* Глаз ума: понятия ментальных образов и воображения от Беркли до современной когнитивной науки // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2013. С. 30–51.
- Колесникова, Савчук 2015 – *Колесникова Д. А., Савчук В. В.* Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.
- Кристева 2004 – *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004.
- Кузнецов 2007 – *Словарь философских терминов* / под ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Линднер 2019 – *Линднер Р.* Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.
- Майорова 2020 – *Майорова К. С.* Академические исследования звука и аудиальный ренессанс в урбанистике // Визуальная антро-

- пология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда / Под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. С. 316–324.
- Мелик-Гайказян 2023 – Мелик-Гайказян И. В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323.
- Митин 2011 – Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Литературно-философский журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
- Палласмаа 2013 – Палласмаа Ю. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Классика XXI, 2013.
- Пирогов 2011 – Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–37.
- Рубинштейн 2002 – Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Смирнова 2013 – Смирнова Н. М. Воображение в структуре когнитивных практик // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / под ред. Е. Н. Князевой. М.: ИФ РАН, 2013. С. 9–29.
- Федотова 2020 – Федотова Н. Г. Urban imaginaty: визуальные маркеры городского воображаемого // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
- Шеллинг 2020 – Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / пер. с нем. П. С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020.
- Эллард 2016 – Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016.
- Conway, Howe 2022 – Conway M. A., Howe M. L. Memory Construction: A Brief and Selective History // Memory. 2022. Vol. 30 (1). P. 2–4.
- Jordan, Lindner 2016 – Cities Interrupted. Visual Culture and Urban Space / ed. by Sh. Jordan, Ch. Lindner. Bloomsbury, 2016.
- Lynch 1960 – Lynch K. The Image of the City. Cambridge & London: Cambridge Technology Press, 1960.
- Nanay 2010 – Nanay B. Perception and Imagination: Amodal Perception as Mental Imagery // Philosophical Studies. 2010. Vol. 150 (2). P. 239–254.
- Schafer 1994 – Schafer R. M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Rochester: Destiny Books, 1994.

Strawson 2008 – *Strawson P. F. Imagination and Perception // Strawson P. F. Freedom and Resentment, and Other Essays. Routledge, 2008. P. 50–72.*

REFERENCES

- Arnheim, R. (1984). *The Dynamics of Architectural Form* (V. L. Glazychev, Trans.). Stroyizdat. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2016). Visual Semiotics of Cities: Perspective of Urban Texts Studies. *ИПАЭХМА (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(10), 9–22. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2023). Centaur's Rib: The Theme of Kitovras in the Visual Structure of Russian Urban Space. *Journal of Visual Theology*, 5(2), 208–264. (In Russian).
- Batalova, Ya. V. (2019). The Role of Imagination in the Act of Remembering in 20th-century Western Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 6, 95–103. (In Russian).
- Borisova, Yu. V. (2015). Problem of Imagination in the History of the West-European Philosophy of Culture. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 3, 66–72. (In Russian).
- Conway, M. A., & Howe, M. L. (2022). Memory Construction: A Brief and Selective History. *Memory*, 30(1), 2–4.
- Ellard, C. (2016). *Places of the Heart. The Psychogeography of Everyday Life*. Alpina Publisher. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2020). Visual Markers of the Urban Imaginary. *ИПАЭХМА (Praxema). Journal of Visual Semiotic*, 1(23), 121–139. (In Russian).
- Golosovker, Ya. E. (2012). *Imaginativnyi absolyut [The Imaginative Absolute]*. Akademicheskii prospekt. (In Russian).
- Heidegger, M. (1993). *Die Zeit des Weltbildes*. (pp. 41–62). Respublika. (In Russian).
- Jordan, Sh., & Lindner, Ch. (Eds.). (2016). *Cities Interrupted. Visual Culture and Urban Space*. Bloomsbury.
- Kant, I. (1999). *Anthropologie in Pragmatischer Hinsicht*. Nauka. (In Russian).
- Kant, I. (2000). *From the Manuscript Heritage. Contributions to "The Critique of Pure Reason", Opus postumum*. Progress-Traditsiya. (In Russian).
- Kant, I. (2006). *Kritik der reinen Vernunft*. Eksmo. (In Russian).
- Kaptsevich, O. (2021). Psychological Effects of Urban Environment Visual Perception: A Systematic Review. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 575–579. (In Russian).

- Knyazeva H. N. (2013). Mind's Eye: Concepts of Mental Imagery and of Imagination from George Berkley to the Modern Cognitive Science. In *The Problem of Imagination in Evolutionary Epistemology* (pp. 30–51). Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kolesnikova, D. A., & Savchuk, V. V. (2015). Visual Ecology as a Discipline. *Voprosy Filosofii*, 10, 41–50. (In Russian).
- Kristeva, J. (2004). *Selected Works: The Destruction of Poetics* (G. K. Kosokov, Trans.). ROSSPEN. (In Russian).
- Kuznetsov, V. G. (Ed.). (2007). *Slovar' filosofskikh terminov [Dictionary of Philosophical Terms]*. INFRA-M. (In Russian).
- Lindner, R. (2019). Textur, imaginaire, Habitus – Schlüsselbegriffe der kulturanalytischen Stadtforschung (K. Levinson, Trans.). In *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. (pp. 101–116). NLO. (In Russian).
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge Technology Press.
- Mayorova, K. S. (2020). Sound Studies and the Sonic Renaissance in Urbanism. In *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. (pp. 316–324). Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2023). A “Post-Normal” State of Science: Confrontation between Impressions and Measurements. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 319–323. (In Russian)
- Mitin, I. (2011). Toward an Imaginative Geography: Two Turns, Three Spaces. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal*, 1, 62–73. (In Russian).
- Nanay, B. (2010). Perception and Imagination: Amodal Perception as Mental Imagery. *Philosophical Studies*, 150(2), 239–254.
- Pallasmaa, J. (2013). *The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture* (M. Himanen, Trans). Klassika XXI. (In Russian).
- Pirogov, S. V. (2011). City as the Phenomenon of Culture: Cognitive Approach. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2, 31–37. (In Russian).
- Rubinstein, S. L. (2002). *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]*. Piter. (In Russian).
- Schafer, R. M. (1994). *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Destiny Books.
- Schelling, F. W. J. (2020). *Philosophie der Kunst* (P. S. Popov, Trans.). RIPOL klassik. (In Russian).
- Smirnova, N. M. (2013). Imagination in the Structure of Cognitive Practices. In *The Problem of Imagination in Evolutionary Epistemology*

- (pp. 9–29). Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Strawson, P. F. (2008). Imagination and Perception. In *Freedom and Resentment, and Other Essays* (pp. 50–72). Routledge.
- Wittgenstein, L. (2018). *Philosophical Investigations* (L. Dobrosel'sky, Trans.). AST. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 13.03.2024